

Я хочу рассказать вам о своем прадедушке, Цыганове Василии Владимировиче. С детства он мечтал стать летчиком. Когда началась война, его призвали на флот. Служил он на Балтике, из Таллина эвакуировался на кораблях в Ленинград, попал в самую блокаду. С продовольствием было плохо. «Нам, военным матросам, девятнадцатилетним парням, давали по 300 грамм хлеба. Причем от хлеба там, конечно, было одно название. К хлебу ещё был какой-то суп, намешанный с манной кашей, второго, по моему, никакого не было. У каждого из нас в кармане был жмых от хлеба, перец, соль, потому что эти приправы давали хоть какой-то вкус еде. В конце концов, я уже дошёл до того, что 400 или 500 метров просто не мог пройти - приходилось два-три раза садиться отдыхать.» Тогда он служил связистом при штурмовом полку, где воевали такие лётчики, как Карасёв, Потапов... Они летали ещё на первых "Илах" без стрелка. Лётчики их как раз и поддерживали: то хлеба дадут, то ещё какой еды. Они же видели, какая обстановка. Топить нечем, все паркетные полы пожгли, мороз ужасный. «Вот это был самый страшный период. Идёшь по городу, и уже до того дошло, что трупы валяются и их не успевали убирать. В баню пошли, так я не мог там находиться: все люди в болячках, все больные, кожа натянута на кости, как барабан... Гражданским же ещё меньше питания давали. Только в апреле 1942 года послабление хоть какое-то наступило: кашу дали.

В 42-м году пришел приказ собрать всех бывших летчиков и отправить учиться в училище. «Стал я поступать вместе со своим другом Сашкой, который, между прочим, до этого ни на каких самолетах не летал. Спрашивают: "На каких самолётах летали?". Я отвечаю, что на У-2. Сашка меня спрашивает: "А мне что отвечать?". Я говорю: "Скажи - на У-2 летал. И всё". Он согласился.

Так говорили, чтобы не попасть в училище, нормальное училище. Дураки мы были в то время... Надо было говорить, что летал на двух самолётах, поскольку считалось, что если лётчик летал на двух типах самолётов, то он уже опытный». Когда они попали в учебную эскадрилью при ВВС флота, порассказывали им месяц теорию и стали летать. Кроме По-2 в эскадрилье был учебный УТИ-4 - сделали один полёт в зону и два полёта по кругу. Всё - готов. Потом дают сперва мне боевой И-15, сделал он на нем два полёта, а потом еще два по кругу на И-153 - вот тебе вся подготовка. На фронт он прибыл уже в январе 1943 года и попал в 1-ю эскадрилью 71-го авиационного полка КБФ.

«Случай один был. Наш командир дивизии Корешков был представителем авиации в сухопутных войсках под Выборгом. Он вызывал наши истребители на прикрытие войск, и как-то раз я вылетел на прикрытие ведущим пары. Прилетаем, там сплошная облачность - выскочили из облаков, набрали скорость приличную. Смотрим, прямо по курсу выныривают два "мессера", расстояние было метров 600-700. Сблизился, разглядел кресты, вижу - точно

"мессера". Я тогда даже не прицеливался: нажал на гашетку, дал две коротких очереди, он сразу задымил - и в облака. По связи докладываю командиру дивизии о сбитии "мессершмитта".

Прилетели в Кронштадт. Вопрос встал такой: сбили армейскую "кобру". Мне подсказывают, мол, ты не говори пока о "мессере", мало ли что. Я, конечно, ничего не сказал. А потом уже, когда Корешков приехал, он сказал: "Да, ты сбил "мессершмитт", однако выносить этого не стали, потому что в верхах вопрос об "Аэрокобре" так и остался открытым...»

В то время чаще всего летчики выполняли задачи ПВО кораблей и военных баз. Сидели все время в кабинах и ждали ракету. Вылетов за войну у него было 48. На корректировку летали мы 1 раз.

Блохин С.В. гр.5206